

К ЛИКАМ ХРАМОВ БРЕВЕНЧАТЫХ

Судьба и поэзия Михаила Сопина

Михаил Сопин освободился из Пермских лагерей в 1970 году. Но его «литературная ссылка» продолжалась, по крайней мере, ещё двенадцать лет: в Перми, где мы поселились, его не печатали. В чём же дело? Писал вполне профессионально - о войне, любви, природе... Стихи ходили по рукам, друзья делали распечатки на ротопринте. Однако пропущенные в газеты строчки можно буквально пересчитать по пальцам.

Причин, полагаю, было две. Первая - вполне банальная: места в газетах и журналах и так мало, очереди на книжные публикации - многолетние. Зачем неизвестно откуда-то взявшийся автор, не принадлежащий к пермской литературной школе, не имеющий «крыши»? Знакомый журналист призывал Михаила попросить покровительства у какого-нибудь влиятельного пермского поэта, и муж, может, и не возражал бы, но... Самым признанным в то время был лирический поэт нового поколения Алексей Решетов. С ним Миша встречался не раз, Решетов бывал у нас дома. Но по-настоящему «услышал» Сопина, когда наш переезд в Вологду был уже решен. Алексей плакал, повторял строчки из стихотворения «Всё иду, как маленький» и вдруг сказал:

- Миша, а я думал, что ты халтурщик.

Вторая причина оказалась сложнее. О том, что в Перми появилось новое имя, знали все причастные к литературному цеху, но проявлять интерес не спешили: ведь он был «оттуда» и не реабилитирован. («Миша, это хорошо, - сказали ему однажды по поводу песни «Не кипит, не бьется в берега...», - но ведь это тюрьма»). Ныне «виновен бессрочно». А личное дело его не сохранилось: об этом у меня есть документ из Пермского УВД, куда

после смерти мужа Вологодское отделение Союза писателей России помогло направить запрос. По печатным и устным свидетельствам, дел репрессированных в советское время по разным статьям (помимо политической 58-й) оказалось так много, что их просто бросали в огонь. А нет человека, нет дела - нет и проблемы...

Для нас это имело принципиальное значение. Например, когда в начале XXI века готовился к выпуску сборник стихов узников ГУЛАГа, друзья по Интернету поспешили нас проинформировать и дали адрес, по которому следует сделать заявку. Пришел ответ: принимаются произведения только тех, кто освободился до 1965 года (Михаил вышел на свободу в 1970-м), 1965 год - рубеж реабилитации по 58-й статье.

Осенью 2004 года я побывала в Перми, где общалась с друзьями-правозащитниками Пермского отделения международной организации «Мемориал». В этой области есть единственный в России музей узников политических репрессий, а Михаил может считаться сидельцем-ветераном. Правозащитник А.К. сказал с недоумением:

- Не понимаю, почему его нет у нас. Он должен быть.

- У него не та статья, - ответила я.

- Какое это имеет значение! - воскликнул с возмущением А.К.

Однако практических мер не последовало. Итак, живем мы в новое время, а мыслим и работаем по-старому...

Вот очень хорошая посмертная публикация в журнале «Наш современник» (№ 8, 2004 год). Удачная подборка стихов, теплые слова, а о судьбе поэта... общая фраза. Ничего не сказано о том, что он воевал, что сидел. Такая непонятная стыдливость.

А ведь без этого читатель не понимает, откуда трагические ноты в творчестве.

Вот почему меня так порадовало опубликованное в июне этого года в «Новой газете» Открытое письмо общества государству о необходимости создания Мемориально-музейного комплекса памяти жертв государственного (а не только политического!) террора, оно подписано выдающимися учёными, писателями, поэтами, режиссёрами, предпринимателями, общественными деятелями, в числе которых Б. Ахмадулина, А. Битов, А. Вознесенский, А. Герман, М. Горбачёв, Д. Гранин, Е. Евтушенко, Ф. Искандер, Ю. Соломин, Б. Стругацкий, П. Тодоровский, Л. Улицкая, Ю. Шевчук и другие.

Однако вернёмся к Михаилу Николаевичу, в 70-е годы прошлого века. Из Перми мы рассылали стихи по толстым и тонким журналам, но получали стереотипные отказы с вылавливанием «блех», а также: «К сожалению, редакционный портфель переполнен...»

Редким просветом порадовало письмо из Красноярска от Виктора Астафьева. Миша решил послать ему стихи, потому что Астафьев долго жил в Перми. Тогда он еще не был

столь знаменит. А вдруг не откажет? И Виктор Петрович ответил:

«Уважаемый Михаил Николаевич!

Стихи ваши очень энергичны по ритму, задиристы по содержанию, хотя порой и сдается мне, что Вы тыритесь на действительность дороую вроде дворяниги, цапнете за штаны и тут же хвостом виляете извинительно. В этом деле - или, или...

Конечно же, на стихах еще лежит печать незрелости, но и самостоятельность проглядывает, вернее, скорее стремление к ней, и во всем чувствуется поэт, то есть человек, богом отправленный в мир выражать себя и свои чувства посредством стона, а не потому что захотел стать поэтом. Поэт - он невольник, он с рождения обречен, и тут ничего не поделаешь никому, даже цензуре, даже внутреннему цензору. Вам, конечно же, надо писать и писать, но поскорее проходить задиристость и так называемые «поэтические находки», то есть скорее устремляться и достичь естественности самовыражения...

Готовьтесь к трудной доле современного советского поэта. Всем самостоятельно мыслящим людям, и литераторам в частности, живется у нас нелегко. Желаю Вам удачи!

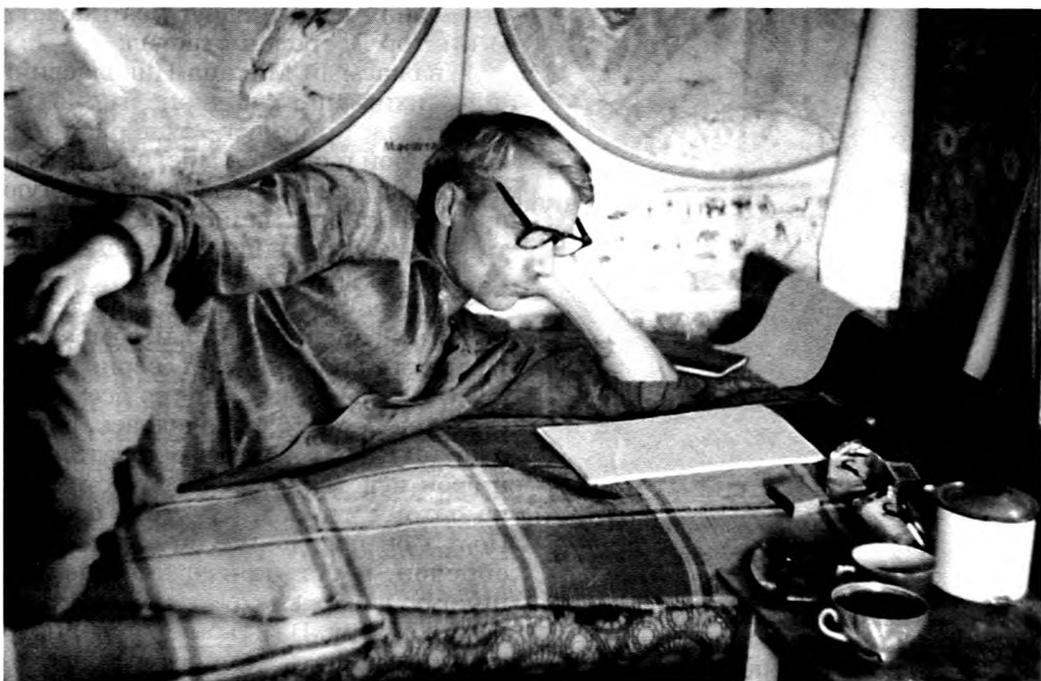
Ваш В. Астафьев».

Астафьев предлагал помощь в публикациях - на Урале и в Москве. Но... из журнала «Урал», куда он пообещал переслать стихи, никто не написал. Переписку с Красноярском оборвали мы сами, рассудив, если человек сказал доброе слово, это еще не значит, что его надо эксплуатировать до упора. Виктор Петрович - не поэт и не издатель. Сибирь - далеко... Однако этой «протянутой в ледоход соломинкой» мы жили и грелись долго.

Однажды Миша сказал:

- Я долго думал, к кому хотел бы обратиться по крупному счету, и нашел два имени: Лев Аннинский и Владимир Кожин. Но Аннинский - более историк литературы. А Кожин работает по современности. Я напишу Кожину.

Мы отобрали восемь-девять стихотворений.

Прошло полгода, а может, и больше. Мы почти забыли об этом письме: мало ли кто нам не ответил?! И вдруг приходит наш друг, местный поэт:

- Вот, я нашел это в издательстве - валялось среди рукописей. Увидел твое имя и подумал, что, может, тебе пригодится.

Мы взяли листок и обомлели: это была Кожиновская рекомендация к публикации.

Чтобы понять значимость этого факта, надо вспомнить, что означало в семидесятые годы имя Вадим Кожин. Это был литературный Бог и бунтарь, самый уважаемый критик для тех, кто хотел считать себя передовой интеллигенцией. Он сделал имя Николаю Рубцову. Среди тех, кого он «выводил в люди»: Анатолий Прасолов, Анатолий Жигулин, Николай Тряпкин, Виктор Лапшин... Уже одно упоминание фамилии Кожина рядом с именем неизвестного автора могло считаться сенсацией.

Первая реакция - бурная радость. И... оторопение. Ну и что? Рекомендация САМОГО Кожина полгода валяется в издательстве, и никакой

реакции. Можно представить, как «стояла бы на ушах» литературная Пермь, напиши Кожин такое о ком-то другом! Но зачем эта рецензия нам здесь, дома? Повесить на стенку? Хвастаться перед знакомыми? Она была направлена по адресу - издателям.

В начале января 1982 года в редакцию газеты «Молодая гвардия» пришел запрос - выслать на учебу в Высшую комсомольскую школу журналиста. Выбор ложился на меня. Я сначала хотела отказаться: много работы, маленькие дети. И чему там научусь? Тем более - на сорок дней...

Но Миша сказал:

- Управимся без тебя. Поезжай. Найди в Москве Кожина и расскажи обо мне.

Я это сделала. А когда вернулась в Пермь, муж показал конверт с московским адресом, а в нем вырванный из блокнота миниатюрный листочек, всего несколько фраз: «Дорогой Миша! Мне тоже 52 года...» Подпись - В. Кожин. Никаких конкретных рекомендаций, но указывался домашний телефон.

В течение месяца, заглядывая в маленькую комнату нашей хрущевки

(днем она превращалась в рабочий кабинет), я видела: Михаил подолгу сидит на подоконнике и смотрит на дальний лес. Мысленно прощается. А потом сказал:

- Я поеду в Вологду.

И вот Миша позвонил по московскому телефону.

- Деньги на билет до Вологды есть? - спросил Кожинков.

- Найдутся.

В трубке послышались гудки.

...Не раз потом мы будем вспомнить любимое кожиновское выражение: «Надо сделать усилие». Видимо, это был принцип его собственной жизни. Но и от других требовалось то же. На семейном совете решили, что Миша сначала поедет один - найдет работу. Потом поменяем квартиру.

Михаил устроился слесарем на «Прогресс», жил в рабочем общежитии

на улице Северной. А через некоторое время его нашел человек «от Кожинова» - сотрудник общества охраны памятников истории и культуры Михаил Иванович Карачев. Разговорились, понравились друг другу. Они стали друзьями на долгие годы: Михаил Иванович помогал с переездом, с подбором стихов для публикаций, вместе ездили к В.В. Кожинкову в Москву. Мы подружились семьями. Долгое время нашу квартиру украшали фотографии из фонда общества охраны памятников, которые мы называли «Лики храмов бревенчатых».

Первая подборка его стихов появилась в областной газете «Красный Север». А в 1985 году в Северо-Западном книжном издательстве вышел в свет его первый сборник стихов «Предвестный свет».

Татьяна СОПИНА

Из писем Вадима КОЖИНОВА Михаилу СОПИНУ

19.2.80 г. Москва - Пермь

Уважаемый Михаил Николаевич!

Если для Вас важно мое мнение о Ваших стихах, скажу Вам с полной

уверенностью, что они написаны добротно, профессионально, весомо и вполне достойны опубликования. Они значительно выше того уровня, кото-

рый характерен для ПЕЧАТАЕМЫХ стихов.

С другой стороны, в лучших из присланных Ваших стихов есть серьезный, неоспоримый нравственный заряд, который, конечно, сыграет свою благотворную роль для читателейских душ.

Таково мое мнение.

Мне тоже 52 года, и жизнь меня была не меньше, чем Вас, хотя и по-другому.

Поверьте еще, что и сейчас очень много несу на себе - собственно, Вы даже не поверили бы глазам, если бы все это увидели.

Жму руку.

Вадим Кожин.

1 августа 83 г.

Москва - Вологда

Дорогой Михаил Николаевич!

Вы написали - «отвечать не надо», но, думаю, как раз сейчас важно сказать Вам несколько слов. Надеюсь, что Вас. Ал-др. Оботуров встретил Вас доброжелательно. И теперь Ваша судьба в Вологде во многом зависит от Вас самих.

Оботуров обещал мне, что поможет с публикацией стихотворений и организацией серьезного обсуждения в писательских кругах Вологды - кстати, достаточно весомых. Вот несколько советов. Придержитесь поначалу особенно острые стихи, связанные с Вашей драматической судьбой. И вообще - при всем возможном доброжелательстве вологжан тщательно продумайте самую форму «информации» о Вашем прошлом. Так сказать, были грехи юности и прочее - если этот вопрос всплывет. Не надо темы ЗАПАДНОЙ Украины.

Вообще-то думаю, Вы и сами это понимаете, но лишний совет не отягчит.

Многое, если не все, в вашей жизни в Вологде, повторяю, зависит теперь от Вас. Люди, право же, там неплохие, и таких немало. И Вашу драматическую, трагическую поэзию войны они смогут оценить по заслугам. Оботуров мне об этом уже сказал.

Важно Ваше человеческое доверие к ним и готовность ЖДАТЬ. Было бы

очень хорошо, если бы Вы попросту ПОДРУЖИЛИСЬ с теми, кто придется Вам по душе (я имею в виду литераторов - как членов СП, так и начинающих).

Нужно Вам прочитать книги вологжан (в гор. библиотеке ими, конечно, снабдят по первой просьбе). И вообще войти в жизнь лит-ров Вологды как свой. Это не Пермь, здесь многое, не сомневаюсь, может оказаться Вам по-настоящему близким.

Вот такие дела.

Простите, если в письме оказались какие-то нотки «поучения», я, видит Бог, этого не хотел - только совет от души.

Пишите - мне теперь небезразличны ЛЮБЫЕ сдвиги в Вашей судьбе. Хотя, м.б., в самом деле не всегда соберусь ответить (воспользуюсь ТОГДА ранее данным разрешением: «Отвечать не надо»).

Жму руку.

Вадим Кожин.

Посмотрите книги, о которых речь на обороте, напишите мне о них.

P.S. Очень, очень советую прочитать, вернее, пережить следующие книги (только именно эти КНИГИ, а не вообще книги этих поэтов: Вас. Казанцев, «Выше радости, выше печали» М., 1983; Ник. Тряпкин, «Избранное», М., 1980; Юрий Кузнецов, «Русский узел», М., 1983; Стан. Куняев, «Путь», М., 1982; сборник лучших поэтов «Страницы современной лирики», М., 1980, 2-е изд. 1983.

Число - ?

Пишу наскоро, так как занят весьма тяжким делом - переездом в другую квартиру (дом мой, увы, рушат).

Пишу, собственно, только для того, чтобы сказать: Оботуров, конечно же, может как-то помочь, но знаете ли Вы житейскую мудрость: далеко не всегда важно О ЧЕМ (или что) мы говорим, но всегда важно, КАК говорим. Наведите разговор как бы между прочим, не просите, а побудите предложить Вам помощь. Если он сам захочет - другое дело.

Пришлите газету (с публикацией)...

Всего Вам доброго,

В. Кожин.

***

Отшумела веселая роща.
 По индеви - копать.
 В обеззвученной серости
 Низко кружат сизари.
 Тихий облачный край.
 Сколько ж мне еще
 Крыльями хлопать.
 Чтоб до первой звезды
 До своей
 Дотянуть, до зари?
 Скоро в поле и в рощу
 Шарахнется ветер крученный.
 На широтах судьбы.
 На долготах звеня на крутых.
 Шумовые метелицы -
 Белые птицы Печоры -
 Полетят,
 Слепя глаза поездам Воркуты.
 И по улицам
 Древним вечерним -
 Прохожие редко.
 Вологодские храмы
 Оденутся в белый наряд.
 И пойду я один
 На вокзал,
 На восточную ветку,
 Пассажирский встречать.
 Проходящий «Свердловск -
 Ленинград».
 Знаю точно:
 Не встречу ни друга в окне,
 Ни соседа.
 Растерялись, разъехались...
 Мало ли -
 Лет пятьдесят.
 И назад побреду,
 Воротник приподняв,
 Непоседа.
 Все никак не доеду домой,
 По стране колеся.

***

Все прозрачнее
 Верб купола.
 Что-то рвется во мне,
 Что-то ропщет.
 Может, юность
 Внезапно взошла,
 Словно месяц
 Над дальнею рощей?
 Кто ты? Где?
 Отзовись... Не молчи.
 Здесь душа
 Что-то ищет незряче:
 То ли кто-то
 Забытый

Кричит,
 То ли кто-то
 Отвергнутый
 Плачет.

***

- Душа моя,
 О чем жалеть?
 Так много здесь
 Прошло бесследно -
 На этой горестной земле,
 На рубеже моем последнем...
 - О том,
 Что билось и рвалось,
 О том, что плакало и пело,
 О жизни,
 Что любил до слез
 Так тяжело и неумело.

***

Дни мои
 Давние,
 Словно под сердцем
 Осколки.
 Гляну в былое:
 Как трудно
 Прожил на земле!
 Что-то забылось...
 И все-таки
 В памяти столько,
 Что для другого
 Хватило б
 На тысячу лет.
 Прежде,
 Чем стану землей,
 Поклонюсь троекратно
 Отчему полю,
 К которому
 Болью приник.
 Ты не поток,
 Уходящий в меня
 Безвозвратно, -
 Входишь,
 Навек превращаясь
 В горючий родник.
 Мир мой осенний,
 Отрада моя и спасенье,
 Видишь -
 Над лугом
 Над бывшим
 Туманный платок...
 Мир мой осенний,
 Надежды моей воскресенье,
 Не обдели меня
 Поздней твоей теплотой!